УДК 316.771 + 316.776.3

Ч. Р. МИЛЛС О СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ (ИЗ НАСЛЕДИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТОЛОГА И СОЦИОЛОГА)

***Виктор В. Желтов*[1, @1], *Максим В. Желтов*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *vjeltov@kemsu.ru*
[@2] *riupark@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.06.2016.
Принята к печати 30.03.2017.

Ключевые слова: Ч. Р. Миллс, социология рефлексивная, социология знания, прагматизм, истина, патологизм, социологическое воображение, ремесленники интеллектуальные.

Аннотация: В статье раскрывается позиция видного американского социолога в вопросах социологии знания. Дается описание взглядов Ч. Р. Миллса на происхождение популярной в США теории прагматизма. Освещаются оригинальная позиция Ч. Р. Миллса в вопросах отношения к распространенным при его жизни концепциям структурного функционализма и эмпиризма. Раскрываются взгляды Ч. Р. Миллса на место и роль социологии в США, а также на предназначение социологов как интеллектуальных ремесленников. Ч. Р. Миллс полагает, что социология должна исходить из постановки проблем в контексте оценки с позиции всего человечества, потому обществовед не может писать только для интеллектуалов.

Для цитирования: Желтов В. В., Желтов М. В. Ч. Р. Миллс о социологии знания (из наследия американского политолога и социолога) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 20 – 27.

Интерес Ч. Р. Миллса к социологии знания вытекает из его изначального интереса к прагматической философии, который дал о себе знать в молодом возрасте. Нацеленный на действие, он стремился рассматривать любые теоретические концепции с точки зрения их практических результатов.

Согласно Миллсу, социология призвана ставить *эмпирически* теоретические вопросы и контекстуализировать свою собственную точку зрения. По его убеждению, социология сама должна себя рассматривать как одну из составляющих «культурного аппарата» (*cultural apparatus*) данного общества, т. е. как одну из «сред, внутри которых осуществляется артистическая, интеллектуальная и научная работа, и эти среды производят и распределяют то, что связано с развлечением и информацией» [1, p. 204].

Нужно сказать, что Миллс является сторонником рефлексивной социологии, которая сосредоточивает свое внимание на анализе социальных оснований философии и социологии.

Основания рефлексивной социологии

Ч. Р. Миллс обратился к социологии знания еще в период студенчества. При этом, несмотря на молодость, он изначально занял относительно оригинальную позицию в американском интеллектуальном пространстве. И эта позиция отличалась весьма существенно от социологии знания в Германии (*Wissenssoziologie*) и от подхода в данном вопросе Э. Дюркгейма [2, p. 670].

Ч. Р. Миллс считает, что идеи и менталитет определены исторически и психологически. Любой человек рождается и растет в пространстве значений, которые сложились до его появления на свет. И у него в целом нет иного выбора, как считаться с выработанными ранее значениями. Он, в частности, пишет в этой связи: «Люди живут в мире второй руки: они осознают множество вещей, которые не проходили экспериментально» [1, p. 203]. В силу этого аргументы, которые они могут использовать, только таковы, что они соответствуют правилам логики своего времени.

Точно также идеи, которые выдвигаются, например, в данное время, призваны подчиняться правилам, сложившимся ранее в области распространения идей. Правда, индивиды не являются неактивными. Они ведут своеобразный диалог внутри «обобщенного другого» (*autrui generalisé*), где они тестируют свои идеи, закрепляют или отбрасывают свои аргументы в зависимости от восприятия их или нет этой самой средой.

Согласно Миллсу, речь идет о своеобразной интериоризации индивидами влияния данной среды. Индивид размышляет в рамках определенного социально мыслимого пространства, которое ориентирует и определяет его мысль [2, p. 674]. Значения, которые он придает событиям и ценностям, с которыми они связаны, подчиняются принципу Этоса (отношения к миру), вписанного в структуру ментальных привычек, которые могут быть присущи интересам некоторых социальных сегментов (специфической группе, классу, совокупности институтов). «Обобщенный другой» является тем местом, где артикулируются правила господствующей логики и позиции того или иного специфического Этоса. В этом смысле «обобщенный другой» Миллса очень напоминает габитус В. Бурдье [3, с. 100 – 128].

В этой, по сути дела принудительной системе, первичную роль играет язык, т. к. с его помощью передаются идеи, символы и суждения. То, что свойственно сообществу обычных людей, присуще и научному миру, и отдельным мыслителям на индивидуальном уровне. В широком смысле слова, речь и язык определяю интеллектуальную ориентацию мыслителей на основе опре-

деленной терминологии, которая используется совместно с теми или иными учеными, или направлена против некоторых из них. Сама терминология, которая используется учеными, ставит их на определенные позиции (ср. [4, p. 84 – 85]).

Относительный статус истины

Имеет ли смысл понятие «истина» в социологии знания? Такой вопрос Миллс поставил в своей знаменитой статье еще в 1940 г. [5]. Данная статья была вызвана к жизни дискуссией, развернувшейся в США после появления работы К. Мангейма (1893 – 1947) «Идеология и утопия» (1929). В этой работе Мангейм, как известно, связывает воедино мысль и политику, введя различие между идеологией в некоем частном смысле слова, которая исторически становится исчезающей, и идеологией в тотальном смысле. В первом случае те, кто ведут дискуссию, могут использовать объективные критерии. Во втором случае речь идет о видении мира.

В итоге Мангейм различает две социологии знания: первая из них не занимается знанием с позиции его истинности. Сторонников такого подхода интересует только условия возникновения истины. Вторая же позиция, напротив, исходит из стремления выявить разного рода предубеждения. Такая позиция строится на основе признания частичности точек зрения.

В отличие от Мангейма, Миллс полагает, что знание социальной позиции интеллектуала позволяет делать заключение об истинности или ошибочности его предложения. Истина или объективность имеют смысл только в зависимости от принятых моделей или систем верификации, которые исторически изменчивы.

Такое утверждение является логичным для Миллса: он защищает идею о том, что социальная позиция влияет на структуру характера в своей совокупности и потому способна воздействовать на теоретический выбор.

О чем это говорит? Ученый принимает некие критерии или отказывается от них в зависимости от тех или иных социальных и/или культурных детерминант, которые оказывают на него воздействие. И эти детерминанты могут быть подвержены социологическому постижению. Это тем более верно потому, что поверх крупных философских построений (например религии) исследователи испытывают на себе воздействие технического словаря и форм классификации, которые являются зеркалом, деформирующим реальность настолько, что только слепой позитивист воображает, что сумел схватить всю целостность изучаемого объекта.

И такая постановка вопроса в целом подходит и для социологии знания. Только выявляя экономические, социальные и культурные детерминанты, которые на это знание воздействуют, открывается возможность для прогресса социальных наук.

Нужно сказать, что социология знания призвана изучать не только ученых, но и формы валидизации их утверждений. В итоге становится ясным, что знание является относительным. Модель Мангейма может быть преодолена на основе идентификации, вслед за Д. Дивей (1859 – 1952), эпистемологии и методологии. Релятивизация, которой требует социология знания, послужила бы в таком случае основой для выработки методологии социальных наук, следуя за исследованиями ученых, определяя мотивы действия, а также интеллектуальные и институционные принуждения, воздействующие на них.

Сделать социологию социологов: случай социал-патологистов

(Социальная патология – в органической школе социологии различные заболевания, сопровождающие развитие социального организма и ослабляющие его функционирование).

Требование рефлексивности социологии знания привело Ч. Р. Миллса к необходимости выявления предположений сторонников социальной патологии, течения, бывшего очень распространенным в межвоенный период. Этих сторонников Миллс назвал социал-патологистами [6]. Данное понятие Миллс заимствует у Левиса Джилина (1871 – 1951), профессора университета Висконсина. Наряду с Чарльзом Элвудом (1873 – 1946), который руководствовался своими протестантскими взглядами, или Джеймсом Боссардом (1888 – 1960), защитником многодетных семей, бывшим президентом Американской социологической ассоциации (1926), ориентировавшимся в своем творчестве на академическую социологию.

Нужно сказать, что в то время различие между «социологическим объектом» и «социальной проблемой» было еще не установлено. В контексте развития профессионализма социологов понятие «социальные проблемы» не имело достаточного теоретического обоснования. Это понятие характеризовалось информативностью и не имело общих оценок социальной структуры. В учебниках указывалось лишь на специализацию изучения.

Утверждение такого подхода в США было следствием социальной однородности авторов. Их насчитывалось примерно 30 человек, которые были выходцами из небольших городов или близлежащих к ним ферм. По происхождению их можно было всех отнести к временам, предшествовавшим индустриализации. Они проживали в похожих средах, интересовались вопросами социальной реформы и обучились в университетах. Они обращались к тем, кто относился к числу потребителей из лиц наемного труда. Данные исследователи в своем большинстве не шли дальше того, что систематизировали свои представления в среде, к которой они сами относились. И стремление осмыслить социальные реалии не шло у них далее иерархизации фактов. Набирая факты, они пытались осмысливать их в контексте во многом абстрактных представлений об институтах, группах и классах или профессий.

Главной проблемой для них было все то, что связано с адаптацией индивида к среде или окружению. В частности, это были, например, эмигранты, которые должны были ассимилироваться в обществе, говоря иначе – американизироваться. Когда же указанные исследователи поднимались на уровень общества, они твердили о «мультикаузальности», которая существует, по их представлениям, без иерархизации причин, и говорили о значении экономической детерминанты, что не давало конкретного политического решения. «Общество» или «социальный порядок», к чему они обращались, были для них относительно недифференцированным пространством, уподоблявшемся традиционным сообществам.

Но критика Миллса идет дальше. Он не дает научного определения патологизма – это пытался сделать Э. Дюркгейм в «Правилах социологического метода» (1894) – и раскрывает социал-патолигизм при описании пространства города только с помощью одного элемента. Этот элемент – «дезорганизация», связанная с подрывом образа традиционной сельской жизни в итоге индустриализации и городской централизации, которая следует вместе с ней и за ней. На этом основании они говорят об «опережении», «отставании», «адаптации» и «социальном изменении». В итоге получается почти биологический подход – индивид должен адаптироваться к окружению. В частности, иммигрант должен усвоить мораль протестантских средних классов американских городов.

Данная статья Миллса напоминает, что любой социологический анализ должен быть объектом социологической критики. Он указывает и на использование на практике выводов социологов. Социологи, по Миллсу, вносят свой вклад в обсуждение общественных проблем и играют определенную роль в определении соотношения социальных сил в обществе. Они могут вести арбитраж социальной иерархии и становиться «социальным оружием» на службе «властвующих элит» [7, p. 43].

Социология философов: пример прагматизма

В период опубликования своих первых работ в области социологии знания Миллс решает написать диссертацию, которую он защитил в 1942 г. Диссертация была посвящена социологическому анализу прагматической философии [8]. В соответствии с академической традицией Миллс предпринял попытку дать социологическую трактовку философских объектов и традиций [9]. Научный руководитель Миллса Говард Беккер (1899 – 1960) не советовал ему браться за такую тему, и потому диссертация Миллса была опубликована только в 1964 г. уже после смерти Миллса.

Условия возникновения философского течения

В развитие исследований в области социологии знания Миллс в своей диссертации стремится объяснить отношения между прагматизмом и социальной структурой американского общества. Он показывает, что само возникновение философии прагматизма мало академично. В случае прагматизма существенно сказалась трансформация высшего образования в США. Явление прагматизма подтверждает мысль о том, что идеи возникают только в институционном контексте, а социальная динамика это позволяет.

Возникновение прагматизма обязано, прежде всего, его связанности с общими для американского общества феноменами, давшими о себе знать в XIX веке: *экономическим ростом, научным прогрессом, секуляризацией образования*.

Эти три феномена оказали существенное влияние на модификацию самой организации университетов. Экономический рост содействовал дальнейшему развитию разделения труда, подъему утилитаризма, промышленному и финансовому развитию. Параллельно технический прогресс побудил развитие специализации в области образования: университеты встали на путь диверсификации подготовки специалистов. Это двойное движение привело к тому, что школы стали все более зависимыми от мира экономики, одновременно обретая известную автономию от религиозных групп. Получалось так, что руководители университетов постепенно стали отходить от христианских концепций. Подобным образом и студенты стали дистанцироваться от религиозных установок. Лишь небольшое число молодых людей избирали для себя религиозную карьеру. Большинство молодых людей приходили в университеты после получения публичного образования в лицеях. Известному упадку религиозности содействовало и то, что в вузах США появилось немалое число иностранных студентов.

В таком контексте важную роль играли два типа акторов. Во-первых, это касалось *руководства университетов*, вышедшего из прежней системы образования и вынужденного повышать свои профессиональные знания. Параллельно филантропы (Карнеги, Рокфеллер и др.) создали в системе образования фонды.

Во-вторых, в таких университетах, как Гарвардский и Джона Хопкинса, это изменение сказалось более всего: здесь стал формироваться слой научных работников. Началось развитие процессов *профессионализации научных исследований*. И хотя этот процесс в США шел не так быстро, тем не менее он охватил постепенно всю страну. Уже в 1890 г. резко возросло число ученых с научными степенями. Происходит и институционализация ряда направлений науки: Американская историческая ассоциация (1884), Американская экономическая ассоциация (1885), Американское математическое общество (1890), Американское социологическое общество (1905).

Миллс вслед за этим описывает среду возникновения и существования прагматической философии. Ее основателями являлись Оливье Ванделл Холмс (1841 – 1935), юрист, член Верховного суда, создавший в 1872 г. Метафизический клуб, и Чарльз Сандерс Пирс (1839 – 1914), ученый, работавший вне университетской среды.

Как видим, названные нами основатели прагматизма были не из мира университетов, их можно отнести к либеральной интеллигенции своего времени, многие из которой имели высокое образование, полученное в том числе в самых престижных университетах.

Изначально, например Пирс, не планировал формулировать свои взгляды за пределами созданного клуба. Среди его членов были адвокаты, юристы, научные работники, один научный вульгаризатор и даже бывший религиозный деятель. Основными темами дебатов были наука, Бог, право, логика. Прагматизм возник вне университетов, но он не смог бы утвердиться в обществе без университетской поддержки.

Две крупные фигуры прагматизма: Чарльз Пирс и Уильям Джеймс

Социология и прагматизм построены вокруг нескольких крупных фигур прагматизма. При этом Миллс обходит стороной некоторых авторитетных философов данного направления, таких, например, как Джордж Герберт Мид. Главное внимание уделено Миллсом *Чарльзу Пирсу* и *Уильяму Джеймсу (1842 – 1910)*. Миллс показывает, насколько их жизненные траектории освещают специфику американского прагматизма. Соединение в исследовании того, что называется жизненной трассой, и содержания трудов исследователей-

социологов являются весьма оригинальным подходом для американской социологии 1940-х гг. Успеху на этом пути содействовало и то, что Миллс имел двойное образование – философа и социолога, что позволило ему избежать односторонности в осмыслении прагматизма.

На двух научных конференциях (1878 и 1879 гг.) Пирс обозначил основы прагматизма как доктрины, нацеленной на достижение конкретных результатов в реализации научных концепций. Он защищал, в частности, такую идею – истина заключается в том, на что нацелен исследователь: «Предписанное мнение объединяет всех исследователей, и то, что мы называем истинным, и объект этого мнения являются реальностью. Именно так я объяснил бы реальность» [4, p. 92].

И Миллса привлекает не только релятивистская логика такой постановки вопроса, но и его (Пирса) маргинальное положение. Уроженец Кембриджа, основатель американского прагматизма имел все возможности для осуществления академической карьеры. Его отец был профессором математики и астрономии в Гарварде. Один из его братьев преподавал в Кембридже, а сам он получил диплом химика в Гарварде и желал стать преподавателем университета. Однако в 1861 г. он вступает в «US Coast Survey» как ассистент астрономической обсерватории в 1869 – 1872 гг., как лектор логики университета Джона Хопкинса 1879 – 1884 гг. «Два факта должны рассматриваться как отличительные в карьере Пирса, – отмечает Миллс. – Это был активный ученый, но *аутсайдер* в философии» [8, p. 141].

Эти два измерения накладывают отпечаток на его работы: то, что отличало университеты его времени, объясняет конфиденциальность его философской программы, в то время как его деятельность как ученого основывалась на прагматизме. С одной стороны, Пирс столкнулся с университетом, бывшим во многом религиозным. Он развелся и снова женился на эксцентричной француженке, любительнице вина, распутной и болезненной. С другой стороны, это был работник лаборатории, который на практике наблюдал за прогрессом научного разума. Это привело Миллса к выводу о том, что прагматизм Пирса был, прежде всего, результатом генерализации знаний, полученных в процессе практической деятельности исследователя.

Релятивизм Пирса соблазнил на путь признания и развития прагматизма У. Джеймса, который стремился соединить науку и религию [8, p. 248]. Через Джеймса Миллс рассматривает вопрос отношений между прагматизмом, эмпиризмом и спиритуализмом. И в данном случае вопрос траектории жизни Джеймса находит место в работе Миллса. Джеймс – сын пастора, родился в 1842 г. в Нью Йорке и с раннего возраста посещал собрания религиозных сект, а также интеллигентских кружков. Его детство прошло в разного рода переездах в Англии, Франции Швейцарии и Германии. Затем он поступает в Гарвард, где встречается с основателями метафизического кружка, нацеленного на изучение наук.

Установив тесные отношения с Пирсом, Джеймс получает пост в Гарварде: то как профессор психологии, то как профессор физиологии. В то время как Пирс рассматривал прагматизм в качестве метода, который мог применяться в довольно ограниченных масштабах, Джеймс становится активным пропагандистом прагматизма. Он полагает, что данная философия способна разрешить метафизические проблемы. Будучи убежденным индивидуалистом, он в то же время был консерватором в вопросах семьи и морали. И он ни слова не говорит о явлениях протеста; анархисты из Чикаго, например, получали безапелляционные объяснения только с позиции неких странностей, т. к. ни один американец не действовал бы и не думал бы подобным образом [8, p. 273]. Это означает, что политические убеждения Джеймса были далеки от позиций Миллса.

Причины успеха: пример Джона Дивей

Одна и та же философия может иметь разное восприятие у людей, имеющих разную жизненную траекторию и разную систему интериоризированных верований. Значит нужно найти подлинную публику. Один из самых оригинальных аспектов «Социологии и прагматизма» состоит в исследовании условий успеха прагматизма. И это Миллс показывает на примере жизненной трассы Д. Дивей, к которому Миллс испытывает настоящую симпатию. Он – сын коммерсанта, в 1879 г. получил диплом университета Вермонта. Был преподавателем, а потом изучал философию в университете Джона Хопкинса. В 1884 г. защитил диссертацию по «психологии Канта». Пять лет спустя получил работу в университете Мичигана. Там он создал «Michigan Scoolmasters Club». В 1894 – 1904 гг. он работал в университете Чикаго, возглавляя департамент педагогики. Будучи изначально гегельянцем, он постепенно становится приверженцем прагматизма. И на примере Дивей Миллс показывает, что прагматизм получил развитие в США благодаря системе высшего образования. Он пытается доказать, что эта система в относительно длительной перспективе создает сторонников этой философии.

Миллс указывает и на то, что Дивей регулярно публиковал статьи по прагматизму, в частности в *The New Republic*, который был рупором американского либерализма, выступавшего с позиций индивидуальных свобод и этатического интервенционализма в экономической и социальной областях. Читатели этого периодического издания были весьма просвещенными и отличались своими доходами и профессиями: 34,5 % читателей были преподавателями, в том числе университетов, 18,5 % – представителями свободных профессий, 17 % – предпринимателями и высшими кадрами [8, p. 326].

Сам Дивей был объединителем сторонников прагматизма. Он был последователем джефферсонизма и популизма, что было распространено в США в XIX в. Джефферсонизм опирался на наследие Просвещения, а популизм выступал решительно против толстосумов и трестов. Следовательно Дивей был сторонником прогрессизма в США. Но почему он имел успех?

Миллс показывает, что в годы активной жизни Дивей давал о себе знать двойной феномен: с одной стороны, шел процесс профессионализации корпуса преподавателей в их совокупности, число же их неуклонно возрастало; а с другой – философия как дисциплина переживала определенный упадок. Она все меньше привлекала на свою сторону студентов [8, p. 350]. Эти две тенденции позволили Миллсу построить модель восприятия, которую можно было применять за пределами случая с Дивей. Он соединяет *институционные контексты*, в рамках ко-

торых осуществлялась эволюция взглядов Дивей, *его карьеру*, в частности порядок прохождения различных фаз его социальной жизни, и *публику*, с которой он сталкивался, и сопутствующую *эволюцию* его *центров интересов*. Эти механизмы способны осветить структуру характера Дивей и характера его публики.

А потом встал вопрос трансформации социальной структуры в терминах *стратификации, профессии и демографии*. И Миллс приходит к выводу о том, что все служило на пользу Дивей: прагматическая философия была адресована среднему классу, получившему развитие и занимавшему все более важное место в американском обществе, она имела необходимые интеллектуальные ресурсы; способствовало этому и явление растущей профессионализации в обществе, сторонником которой был Дивей; а также миграция студентов из сел в города. Иначе говоря, Миллс предлагает объяснение успеха прагматизма в структурных терминах, оставляя в стороне содержание этой философии, которую он в некоторых аспектах подвергает критике [4, p. 96 – 97].

Социологическое воображение интеллектуального ремесленника

Из социологии социал-патологистов и философии Миллс строит собственное видение с точки зрения рефлексии интеллектуальной жизни своего времени. Он ее осветил в ряде статей, в частности в 1954 г., а также в самом значительном произведении «Социологическое воображение». В этом эпистемологическом эссе дано не только описание господствующих тенденций американской социологии того времени, но в данной работе Миллс показывает пути возвращения к классической социологии, в частности, он указывает на путь для социолога как интеллектуального ремесленника, знающего о границах своей профессии и стремящегося восстановить человеческое измерение социальных феноменов благодаря письменности, которая ставит социологическое знание в распоряжение самого большого числа людей.

Социологическое воображение и его противники

То, что Миллс называет «социологическим воображением», заключается в способе рассматривать социальный мир и связывать коллективную историю и индивидуальные судьбы. Социологическое воображение, пишет он, «дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества» [10, с. 14]. И далее Миллс добавляет: «Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества» [10, с. 16].

Миллс обозначает термином индивидуальных «испытаний» (*personal troubles*) изменения, которые воздействуют на ход жизни индивидов, и коллективные «ставки» (*public issues*), которые воздействуют на всю социальную структуру общества. Социологическое воображение приводит к артикуляции испытаний и ставок с двойной целью – понимания и каузального объяснения действия людей.

Перед лицом этой веберовской концепции социологии, которая ориентирована на неразрывно связанную теоретическую и эмпирическую работу, Миллс подвергает критике два отклонения: формализм тех, кого он называет представителями «Высокой теории», и наивный позитивизм «абстрактных эмпириков». Он отказывается от обоих подходов на основе того, что «методологическое самоограничение» абстрактного эмпиризма играет такую же роль, что и фетишизация «Понятия» в «Высокой теории» [10, с. 64].

На основе такого подхода он подвергает критике две наиболее известных тогда в Америке фигуры социологов – Толкотта Парсонса и Пола Лазарсфельда. Правда, он не затрагивает другие течения, например школу Чикаго. Это объясняется тем, что он лично знал произведения Д. Г. Мида, у которого он черпал вдохновение и который был связан с социологией Вебера, что получало выражение в его макросоциологической точке зрения.

Т. Парсонсу, да и всем представителям «Высокой теории», Миллс предлагает «спуститься с их заоблачных высот» [10, с. 45]. Он подходит к Парсонсу с двух сторон: его стилю близости к скрытому словоблудию, с одной стороны, и его социологической теории, функционализма, ставшим консервативным проявлением, – с другой. «Высокая теория» игнорировала мир людей, предпочитая ему абстракцию и концепции, интересовалась в большей мере формами легитимации социального порядка, чем институтами, которые образуют социальную структуру. «Высокая теория» является идеалистической и нормативной в том смысле, что она предпочитает ценности, которые позволяют обеспечивать мирное сосуществование индивидов. При этом нужно исходить из того, что не только верования и идеи создают социальный порядок, а институты и соотношение сил.

Критика *Лазарсфельда* – иной природы. Миллс предъявляет претензии не к изолированному мыслителю, а к своеобразной «административной машине», которую Миллс называет «административным аппаратом», который «рекрутирует и обучает для себя определенные типы работников умственного труда. Этот аппарат, – продолжает Миллс, – приобретает сейчас все большее распространение и имеет множество свидетельств того, что он станет еще более популярным и влиятельным. Интеллектуал-менеджер и специалист-исследователь – совершенно новые типы свободных процессий – в настоящее время конкурируют с более традиционными типами профессора и ученого-гуманитария» [10, с. 70].

Миллс обвиняет Лазарсфельда и его последователей в том, что они практикуют социологию цифр, которая, по сути, сводится к «статистически установленным фактам и связям, которые должны быть многочисленными, повторяющимися и измеримыми» [10, с. 82].

Позиция Миллса достаточно ясна: без теории невозможны никакие кумулятивные эмпирические исследования, кроме дескриптивного компаративизма. Он, в частности, пишет: «Когда «изготовитель науки» занимается трансформацией какого-либо раздела социальной философии в эмпирические науки и создает исследовательские учреждения, чтобы разместить их там, появляется огромное количество проектов. На самом деле нет никакого принципа или теории, которыми бы руководствовались ученые при выборе предмета подобных ис-

следований. «Счастье», как мы видели, может стать предметом исследований точно так же, как и поведение на рынке» [10, с. 83].

От господства одной социологии к другой

То, что пара, которую образуют «Высокая теория» и «абстрактный эмпиризм», очень различающиеся между собой своим содержанием и методом, господствует в американской социологии не случайно, по мнению Миллса. Согласно ему, любая социология является актом моральным и политическим. Работы социологов используются бюрократией и политиками. Миллс справедливо отмечает важное положение, связанное с ролью эмпирических исследований, проводимых в интересах бюрократии: «Исследование на службе бюрократии призвано повысить эффективность и действенность властей, предоставляя необходимую для планирования информацию» [10, с. 138].

«Высокая теория», по Миллсу, «не обладает непосредственной полезностью для бюрократии: ее политическое содержание находится в области идеологии, и именно идеологической сферой ограничивается ее применение» [10, с. 138]. Но она выполняет и политическую функцию: она легитимизирует социальный порядок.

Социологическое воображение идет далее, нежели эпистемологическое эссе. Миллс в нем показывает динамику, сравнимую с тем, что он создавал в своих работах по социальной стратификации, но на этот раз примененную к социологической дисциплине. И здесь США переходят от способа интеграции par correspondence (заочной) к способу интеграции на основе координации. «Социологическое воображение» вписывается в «политику истины» и разоблачает социологию развивавшейся под контролем властвующей элиты.

Миллс напоминает, что в США социология всегда востребовалась публичными властями и политическими силами. Она служила основой либерального реформизма, начиная с XIX в. И социология соединяет то, что он называет «либеральная эмпиричность» с ее вкусом к частичным исследованиям, с дескриптивными выводами. «В соответствии с «демократической теорией знания», – пишет Миллс, – [*американские социологи – прим. авторов*] предполагали, что все факты созданы равными. Более того, они настаивали на том, что любое социальное явление обязательно должно иметь большое количество мельчайших причин. Эта, так сказать, «плюралистическая каузация» весьма удобна для либеральной политики «постепенных» реформ» [10, с. 103].

Эта эмпиричность ценит равновесие, гармонию как невидимую руку плюрализма. За этим отношением в реальности скрывается классовое отношение. Миллс, в частности, пишет: «Но кто те студенты, для которых пишутся книги? Это, главным образом, молодые люди из среднего класса, многие из них, особенно в учебных заведениях Среднего Запада, происходят из семей фермеров и мелких бизнесменов, они собираются стать людьми свободных профессий и менеджерами. Писать для них значит работать для особой публики, для нового поколения среднего класса» [10, с. 107].

Эта тесная связь между обучающими и обучаемыми объясняет для Миллса глубокий консерватизм либерального эмпиризма, его морализм и привязанность к прогрессу, что приводит к принятию на вооружение концепции «культурное отставание». В этом находят отражение элементы, направленные против социал-патологистов.

В годы ВМВ, а более широко – в процессе трансформаций, проходивших в 1930-е гг. в США, либеральная эмпиричность меняет объект. Она становит на службу бюрократии политический, экономический и военный порядки. Под влиянием централизации власти и перехода общества от общества корреспонденции и к обществу координации меняется и социология. Численность центров научных исследований и экспертов умножается. Исследования бюрократизируются. Социологи принимают «социальный заказ», они изучают то, что бюрократы и доноры порядка ожидают от них. Они становятся консультантами. И Миллс, как обычно, оплакивает судьбу интеллектуалов и левых в США. И критический социолог оказывается в сети статистики, и он вынужден обслуживать систему (последователи Лазарсфельда) и ревностными теоретиками идеологии (Парсонс и его эпигоны).

Какое место для интеллектуального ремесленника?

Перед лицом разрушительной альтернативы Миллс определяет свою позицию в лоне классической социологии. «Я считаю, – пишет Миллс, – что классический социальный анализ составляет определенный комплекс традиций, которые могут быть осмыслены и использованы, а его существенной особенностью является связь с конкретно историческими социальными структурами. Исследуемые с его помощью явления имеют прямое отношение к требующим безотлагательного решения проблемам общества и человека» [10, с. 32].

Заявляя о себе как о стороннике М. Вебера и К. Маркса, Миллс подчеркивает свое внимание к социологии ежедневной жизни в ее самом тривиальном выражении. Он заявляет и о приверженности к требовательному социологическому пути. Классическая традиция коренится, по Миллсу, в амбиции придать смысл миру, моделируя общество как совокупность взаимосвязанных элементов на системной основе.

По определению, эта традиция определяет дисциплинарные и методологические барьеры. Она имеет тотализирующую амбицию. Ее вопросы касаются всех обществ, их трансформации и типов мужчин и женщин, которых они воспроизводят. Прогресс социологии, понимаемой таким образом, предполагает наличие общего основания, без чего накопление знания обречено на поражение. Становится понятным, почему первая глава «Социологического воображения» называется в русском переводе «Что нам обещает социология» (*авторам представляется более правильным название данной главы во французском переводе: «Великая надежда социальных наук»*), и общий тон произведения остается очень расколдовывающим. Как пишет Миллс во введении в сборник классических текстов «Images of Man»: «Большинство социологических идей, которые стали общими – и даже популярными в США – после Второй мировой войны сложились уже до того, как наше поколение начало работать» [11, p. 4]. Большинство объяснительных принципов в социологии сложились давно. Но и полити-

ческий консерватизм, а также и профессиональный корпоративизм тормозят их системное использование.

Социология должна рассматриваться как профессия, потому что модели и теории уже сложились. И социолог, значит, является интеллектуальным ремесленником, который при помощи социологии призван обслуживать коллектив, позволяя ему понять свою собственную историю, как прошлую, так и творящуюся на его глазах. В «Социологическом воображении» он дает и рекомендации для социологов.

«Интеллектуальное ремесло», по Миллсу, это разговор языком М. Вебера, форма *Beruf*, одновременно профессия и предназначение, чему Миллс посвящает свой день. Социолог – это не артист, который позволяет бликования своего воображения. Это труд, который отбирает и анализирует идеи и факты, использует все методы, которые позволяют постигать истину.

Обращаясь к студентам, Миллс отмечает, прежде всего, необходимость уметь сочетать эмпирическую и теоретическую составляющую работы социолога, избегая того, чтобы пускать пыль в глаза. И здесь чрезвычайно большую роль играют те из ученых, кто занимается преподаванием социологии, а более широко – всех общественных дисциплин. «При всей широте кругозора, – утверждает Миллс, – рядовой обществовед занимается преподаванием, а подобный род занятий во многом определяет на что он способен как профессионал. В качестве преподавателя он обращается к студентам, при случае публикуется и выступает перед более широкой или более влиятельной аудиторией» [10, с. 212].

Миллс прямо и с достаточной ясностью в своем знаменитом произведении формулирует и «политическую задачу обществоведа, как и любого другого либерального просветителя». Она «заключается в непрерывном переводе личных трудностей на язык общественных проблем и в объяснении индивидуальной значимости общественных проблем для людей различных категорий» [10, с. 213].

Весьма актуально в наши дни звучат слова Миллса о задачах, стоящих перед обществоведами. Задача обществоведа как ученого и просветителя – демонстрировать в своей работе и своей жизни социологическое воображение, его цель – совершенствовать навыки этого воображения у мужчин и женщин в той аудитории, которую ему предоставляет общество. И он добавляет: «Достижение этих целей обеспечивает безопасность разуму и свободной личности, а также делает их доминирующими ценностям демократического общества» [10, с. 213 – 214].

Исходя из такой постановки вопроса, Миллс со всей определенностью определяет место общественных наук в жизни общества. Эти науки, будучи «главным проводником разума в жизни людей, в действительности являются основной проблемой демократии на современном этапе» [10, с. 216].

Наконец, подчеркивая политическое измерение профессии социолога, Миллс полагает, что социология должна исходить из постановки проблем в контексте оценки с позиции всего человечества. И потому обществовед не может писать только для интеллектуалов. Он должен обращаться к максимально большому числу людей в их поддержку, избегая жаргона, излишней математизации и т. п. Становится понятным, почему Миллс стал предвестником «Публичной социологии», которая отражает в своих работа ординарный объект своего знания [12]. Рассмотрение социологии как профессии предполагает известную скромность перед лицом богатого наследия этой науки в ее классической версии, а также отказа видеть себя зачисленным в культурный аппарат, который в каждой нации является вспомогательным делом в системе национального господства [1, p. 206].

Литература

1. Mills C. W. The cultural apparatus // The Politics of Truth: Selected Writings of C. Wright Mills. Ed. Summers J. H. New York: Oxford University Press, 2008. P. 203 – 212.

2. Mills C. W. Language, logic, and culture // American Sociological Review. 1939. Vol. IV. № 5. P. 670 – 680.

3. Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.

4. Denord F., Réau B. La sociologie de Charles Wright Mills. Paris: La Découverte, 2014. 123 p.

5. Mills C. W. Methodological consequences of the sociology of knowledge // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 46. № 3. P. 316 – 330.

6. Mills C. W. The professional ideology of social pathologists // Power, Politics, and People: The Collected Essays of C. Wright Mills. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1943. P. 525 – 553.

7. Geary D. Radical Ambition: C. Wright Mills, the Left, and American Social Thought. Berceley, University of California Press, 2009. 298 p.

8. Mills C. W. Sociology and Pragmatism: The Higher Learning in America. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1964. 475 p.

9. Pinto L. La Théorie souveraine. Les philosophes français et la sociologie au XX siècle. Paris: Les éditions du Cerf, 2009. 382 p.

10. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998. 264 с.

11. Mills C. W. Images of Man: The Classic Tradition in Sociological Thinking. New York: Braziller, 1960. 534 p.

12. Burawoy M. Pour une socioloigie publique // Actes de la recherche en sciences sociales. 2009. № 176 – 177. P. 121 – 144.

C. W. MILLS ON KNOWLEDGE SOCIOLOGY (FROM THE HERITAGE OF THE AMERICAN POLITICAL AND SOCIAL SCIENTIST)

***Viktor V. Zheltov*[1, @1], *Maxim V. Zheltov*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *vjeltov@kemsu.ru*
[@2] *riupark@mail.ru*

Received 02.06.2016.
Accepted 30.03.2017.

Keywords: C. W. Mills, reflexive sociology, knowledge sociology, pragmatism, truth, pathologism, sociological imagination, intellectual craftsmen.

Abstract: The article reveals the position of the prominent American sociologist in matters of knowledge sociology. It gives the description C. W. Mills's views on the origin of the pragmatism theory popular in the United States. The article highlights C. W. Mills's original position in the matter of the attitude to the concepts of structural functionalism and empiricism, which were popular in his lifetime. The work reveals C. W. Mills's views on the place and role of sociology in the United States, as well as on the social scientists' role as intellectual craftsmen. C. W. Mills believes that sociology must proceed from the problems formulation in the valuation context of the whole mankind, so a social scientist cannot write only for intellectuals.

For citation: Zheltov V. V., Zheltov M. V. Ch. R. Mills o sotsiologii znaniia (iz naslediia amerikanskogo politologa i sotsiologa) [C. W. Mills on Knowledge Sociology (from the Heritage of the American Political and Social Scientist)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, no. 1 (2017): 20 – 27. (In Russ.)

References

1. Mills C. W. The cultural apparatus. *The Politics of Truth: Selected Writings of C. Wright Mills*. Ed. Summers J. H. New York: Oxford University Press, 2008, 203 – 212.
2. Mills C. W. Language, logic, and culture. *American Sociological Review*, IV, no. 5 (1939): 670 – 680.
3. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical sense]. Saint-Petersburg: Aleteiia; Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2001, 562.
4. Denord F., Réau B. *La sociologie de Charles Wright Mills*. Paris: La Découverte, 2014, 123.
5. Mills C. W. Methodological consequences of the sociology of knowledge. *American Journal of Sociology*, 46, no. 3 (1940): 316 – 330.
6. Mills C. W. The professional ideology of social pathologists. *Power, Politics, and People: The Collected Essays of C. Wright Mills*. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1943, 525 – 553.
7. Geary D. *Radical Ambition: C. Wright Mills, the Left, and American Social Thought*. Berceley: University of California Press, 2009. 298 p.
8. Mills C. W. *Sociology and Pragmatism: The Higher Learning in America*. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1964, 475.
9. Pinto L. *La Théorie souveraine. Les philosophes français et la sociologie au XX siècle*. Paris: Les éditions du Cerf, 2009, 382.
10. Mills C. W. *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination]. Moscow: Strategiia, 1998, 264.
11. Mills C. W. *Images of Man: The Classic Tradition in Sociological Thinking*. New York: Braziller, 1960, 534.
12. Burawoy M. Pour une socioloigie publique. *Actes de la recherche en sciences sociales*, no. 176 – 177 (2009): 121 – 144.